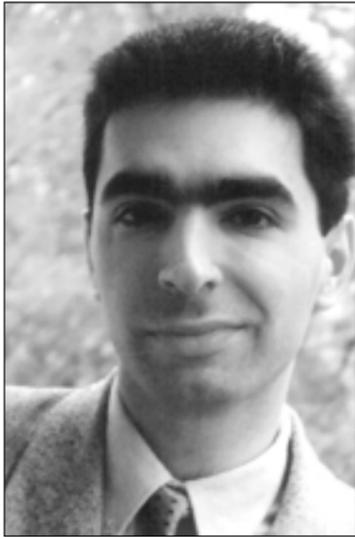

Что такое время и как оно началось

Григорий Минасянц

В прошлый раз мы говорили с вами о пространстве, а сейчас перейдем к вопросу о сущности времени. До сих пор в науке нет точного определения времени. Его определяют как некую характеристику, обуславливающую причинно-следственную связь. Давайте попробуем пролить свет на природу времени. Но прежде зададим другие три вопроса, которые помогут нам в этом разобраться.

Первый касается страданий Иисуса. Мне, например, не представляется возможным верить в то, что кто-либо из живших на Земле людей мог страдать больше, чем Иисус. Я гораздо более склонен верить, что Сын Божий, в качестве Сына Человеческого, должен был пройти через страдания, большие, чем страдания всех остальных людей, вместе взятых. Но если посмотреть на внешнюю сторону казни Иисуса, может сложиться обратное впечатление. Во-первых, крестную смерть принимало достаточно большое количество людей, и мучались они не меньше. К тому же истории известно множество случаев ужасных издевательств над людьми. Во-вторых, с момента взятия Христа до момента Его смерти прошло менее суток. А многие люди страдали в течение всей своей жизни. В общем, что-то здесь не так.

Второй вопрос можно сформулировать таким образом: «А что было бы, если бы Иисуса не убили?» Он до сих пор ходил бы по Земле? Ведь в Нем не было греха, а это значит, что Он не должен был умереть «своей» смертью, т.к. смерть есть следствие греха.

Третий вопрос состоит в следующем. Библия говорит: «Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер» (Бытие 5:5). А 930 лет с какого момента? С момента сотворения, или с момента грехопадения? Об этом Библия ничего не говорит.

Теперь давайте вернемся к вопросу о времени, и, надеюсь, нам откроются ответы и на другие три только что поставленных вопроса.

В Иоанна 8:58 Иисус, говоря о Своем прошлом, употребляет настоящее время, таким образом, давая уразуметь Свою вечную, стоящую выше времени, сущность. Оно и понятно, ведь Писание говорит, что Бог совершен и не меняется. А где нет перемен, там не имеет смысла говорить о каком-либо времени, так как само понятие времени ассоциируется с изменением чего-то. Откуда же взялось время? Из специальной теории относительности нам известно, что временные и пространственные координаты зависят от выбора системы отсчета, абсолютными же являются скорость света и величина, называемая интервалом между событиями. Физический смысл неизменности интервала состоит в неизблемости причинно-следственной связи между событиями. Но не является ли факт неизменности интервала отражением духовного закона воздаяния или, что то же самое, отражением принципа сеяния и жатвы? Что посеешь, то и пожнешь, независимо от того, с какой стороны смотреть на поле. Но вследствие ограниченности скорости распространения взаимодействия причина и следствие становятся разнесенными во времени, а иначе следствие моментально следовало бы за причиной. Это относилось бы ко всем процессам, и, в частнос-

ти, к последовательности «грех — смерть» (Римлянам 6:13). Но это означало бы, что человек, согрешив, моментально бы умирал. Однако в нашей жизни мы наблюдаем, что воздаяние за содеянное приходит далеко не сразу. Писание говорит, что это время дано человеку для осознания своей греховности и покаяния (1 Петра 3:9). Но покаяние не имело бы смысла, если бы не было прощения, а прощение невозможно без искупления. Таким образом, покаяние стало доступным только благодаря искупительной крови Иисуса, и если бы ее не было — все люди умирали бы, не успев родиться, то есть не было бы ничего. Таким образом, временной разрыв между причиной и следствием стал возможным благодаря разрыву между Богом-Сыном и Богом-Отцом, или, другими словами, время является следствием смерти Бога. Начало времени можно привести в соответствие с моментом смерти Бога, а конец — с моментом Его воскресения.

Также и Иоанна 11:13-14 говорит: «...Пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Обратим внимание, что здесь наш Господь говорит о Себе. Он постулирует, что, если бы Он не умер, то остался бы один. Таким образом, если бы Бог не умер, то нас вообще бы не было и не могло бы быть. Т.е. все, в том числе и наша временная жизнь, является следствием смерти Бога. Другими словами, центром всего мироздания является крест. В частности, мы можем заключить, что и время — плод смерти Бога. Отметим также, что до Своей смерти, в Иоанна 8:58, Иисус говорит о Себе «Я есмь», тогда как после смерти, к примеру, в Откровении 1:18, Он говорит о Себе — был мертв, и се, жив во веки веков, — т.е. Он уже вводит по отношению к Себе временные характеристики. Также и в Откровении 1:8 Иисус говорит: «Я есмь ... начало и конец ... который есть и был и грядет...», таким образом опять-таки употребляет по отношению к Себе временные характеристики. Более того, Иисус говорит, что Он есть начало и конец, а «начало» и «конец» как раз и определяют время само по себе, где начало — это смерть Бога, конец — Его воскресение, а между этими событиями — время, в той форме, в какой мы его имеем.

(Если Вы знакомы с основами релятивистской механики, Вам, наверное, будет не безынтересно попытаться выяснить причины противоречий, возникающих при переходе от релятивистской механики к классической. Этот переход имеет место при устремлении скорости света к бесконечности. Тогда, чтобы сохранить интервал между событиями, что является фундаментом релятивистской теории, нужно интер-

вал времени устремить к 0. Но тогда мы получим не классическую механику, а состояние вечности, где все процессы происходят мгновенно. А т.к. классическая механика время оставляет неизменным, то получается, что конечный интервал между событиями становится бесконечным. Другими словами, все события не имеют ни начала, ни конца, нарушаются причинно-следственные связи. Таким образом, из философии классической механики следует, что, если последствия какого-либо действия не наступают сразу, то они не наступят никогда. В частности, интервал между началом бытия мира и концом света также разносится на бесконечность, что и является источником миллиардов лет эволюции и бесконечного, никогда не достигаемого светлого будущего).

Также хотелось бы отметить, что разнесение во времени причины и следствия приводит к замещению видения последствий любого действия — на веру в то, что они (последствия) рано или поздно настанут. И этого никак не избежать. Может быть, именно поэтому Бог уделяет вере основное внимание.

Давайте вспомним процесс грехопадения Адама. Обратите внимание, что в Бытие 1:17 Бог не обещал Адаму моментальную смерть, а сказал: в тот день смертью умрешь. И действительно, Адам прожил 930 лет, прежде чем умереть (если при этом учесть, что у Бога один день как тысяча лет, то все сходится). Но зачем человеку какой бы то ни было длинный, но конечный промежуток земной жизни? Ведь это ничто по сравнению с вечной смертью. Ответ только один — за это время человек может покаяться и попасть на небо, и это стало возможным только через смерть Иисуса Христа.

Под конец нашего разговора отметим ещё один интересный момент. Есть люди, подвергающие сомнению факт воскресения Иисуса. Если под чудом понимать то, чего не может быть, то чудес, конечно, не бывает. Если же чудо определить как некий процесс, противоречащий естественным законам природы, то следует упомянуть, что в воскресении Иисуса нет абсолютно никакого чуда. Ибо если мы верим, что Иисус был Праведником, то нет ничего удивительного в том, что Он воскрес, т.к. естественным состоянием праведника является состояние жизни, а не смерти (Деяния 1:14). Поэтому удивляться стоило бы в случае, если бы Иисус не воскрес. Гораздо большее чудо — это то, что люди, будучи грешниками, каким-то образом остаются в живых. Вот это действительно чудо! Просто оно встречается на каждом шагу, вот его никто и не замечает. А всё дело в том, что Христос, будучи Праведником, умер и воскрес, таким образом положив конец закону (Римлянам 10:4).

Подводя итог, можно сказать следующее: в страданиях Иисуса Христа было нечто большее, чем видно человеческими глазами. В частности, выше мы увидели, что только тот факт, что безгрешный Бог был некоторое время мертв, позволяет людям, будучи грешниками, некоторое время жить!

Надеюсь, что читателю открылись ответы и на 3 других, упомянутых здесь, вопроса. В следующий раз мы попробуем ответить на вопрос, почему семя, упавшее в землю, обязательно должно умереть, чтобы принести плод. Ответив на этот вопрос, мы найдём ответ и на некоторые другие вопросы, такие как: «Если вначале был один Бог, и больше ничего, а Он добр, то откуда взялось зло?» и «На что рассчитывал Сатана, когда захотел стать равным Богу?»

Все цитаты взяты из Синодального перевода Библии.

Знать,

Валентина Николаевна Кузнецова, автор последнего перевода Нового Завета, который в полном объеме увидел свет осенью этого года, — лингвист и богослов. Она закончила филологический факультет МГУ (отделение классической филологии) и защитила диссертацию на степень магистра богословия в Шотландии. Сейчас она преподает экзегетику Нового Завета в Открытом Православном Университете имени о.Александра Меня.

—Валентина Николаевна, мы все давно знаем и читаем ваши переводы Евангелий, посланий Павла и других книг Нового Завета, когда они выходили еще в тоненьких книжечках. Расскажите, пожалуйста, как возникла эта идея?

—Все это началось, когда я была в приходе отца Александра Меня. Идея создания нового перевода принадлежит ему. Мне в то время и в голову не приходило, что я когда-нибудь буду этим заниматься, хотя к тому времени я уже имела соответствующее образование, и греческий язык был моей специальностью. Но я прекрасно понимала, что для такой серьезной работы недостаточно просто знать язык: сделать буквальный перевод любого текста может даже первокурсник, но буквальный перевод — это не перевод, а тарабарщина. Отец Александр создал группу из нескольких человек, владеющих греческим, и мы стали встречаться, обсуждать текст, выработать принципы. К несчастью, группа эта быстро развалилась в силу целого ряда внутренних противоречий, и я осталась практически одна. Сначала я взялась за приведение в порядок того, что мы все вместе успели сделать по Евангелию от Марка, но быстро поняла, что нужно все-таки выработать некие принципы перевода. Меня не удовлетворяли корявые конструкции, которые точно соответствовали греческому оригиналу, но звучали не по-русски. В конце концов эти принципы сложи-

лись у меня в голове, но я так и не оформила их в стройную систему — никогда не любила планов, даже план сочинения в школе составляла после того, как само сочинение было уже написано. Позже, когда я стала работать в РБО (Российское Библийское общество), наткнулась на одну английскую книгу, где все эти принципы были описаны, и с радостью обнаружил, что мой «велосипед», который мне пришлось заново изобретать, оказался в точности таким, как и предложенный в той книге.

Еще при жизни отца Александра я перевела Евангелие от Марка, Луку, Матфея, Иоанна и Послание к Римлянам. В этот период он принимал активное участие в моей работе: отвечал на вопросы, давал нужные книги, иногда даже подсказывал, какое слово больше подходит в том или ином случае. Потом я осталась совсем одна. Уже работая здесь, в РБО, я закончила перевод всех остальных книг Нового Завета. Кроме того, и то, что было сделано раньше, подверглось серьезной переработке и редактированию. Ведь за это время у нас в стране появилось больше книг и словарей, которых не было раньше. Кроме того, я защитила магистерскую диссертацию по экзегетике Нового Завета в Университете города Абердин. Для этого мне пришлось прочитать гору литературы, и я многое подвергла пересмотру. Теперь мне также помогала редактор — женщина, блистатель-

Что Бог хочет нам сказать

но знающая русский язык, великолепный стилист и к тому же специалист по греческому языку. Все это означало, что появилось множество изменений по сравнению с первоначальным текстом.

— Пользовались ли Вы какими-то авторитетными переводами на другие языки, на английский, например?

— Да. Конечно. Почти всеми переводами на почти все европейские языки, но главным образом английскими.

— Какой, по-Вашему, лучший?

— Я не стала бы называть один перевод — хорошим, а другой — плохим. Каждый из них хорош по-своему. Есть любимые, например, один испанский перевод. Я очень хорошо отношусь и к Good News Bible, или еще его называют Today English Version. Его часто ругают за то, что он-де слишком упрощает. Да ничего подобного!

С точки зрения высокого качества английского языка очень хорош перевод New English Bible и его второе, переработанное издание Revised English Version.

— Имеет ли Ваш вариант Нового Завета социальную направленность? Для читателей какого интеллектуального уровня предназначается Ваш текст?

— Думаю, нам пока что не стоит идти по пути западных переводчиков и делать разные переводы для интеллектуалов и для людей, которым трудно воспринимать сложные тексты. Правда, у нас тоже сейчас наблюдается стремительное движение в сторону примитивизации языка и мышления, но все еще не отошло в прошлое то время, когда масса людей читала серьезную литературу и прекрасно с нею справлялась. Мой перевод, конечно, предназначен для достаточно подготовленного читателя, скажем, для людей со средним и высшим образованием, хотя я и старалась избегать слов, не понятных широкому кругу читателей. Так, например, я убрала слово «сень», потому что выяснилось, что большинство тех, кого я опрашивала, не знают этого слова. И это при том, что оно часто встречается в классической литературе. Например, в «Евгении Онегине», которого читают все школьники. Но так как моей задачей было сделать Новый Завет понятным, я пожертвовала «сенью» и заменила ее на «тень». Уверена, что в нашей стране, где все еще существует всеобщая грамотность, количество людей, способных воспринимать этот перевод без особого напряжения, достаточно большое.

Новый Завет, и в особенности Евангелия, были написаны для простых людей.

— Действительно, мы знаем, что тогда не было никакой канонической Библии, и историю о жизни Иисуса люди могли друг другу просто пересказать. Никто не придирался к каждой закорючке и не вел по этому поводу богословских споров.

— Это вообще большая ошибка — заикливаться на закорючках, ведь еще Павел сказал: «Дух живо творит, а буква убивает». Человек, держащийся за букву, часто полностью забывает о смысле. Павел, говоря это, вот что имел в виду: человек, который держится за закон Моисея, часто забывает, зачем Бог дал этот закон. Писание становится не средством приближения к Богу, а пугалом. Отец Александр замечал, что слишком часто интеллигент, обратившийся к Богу, становится мракобесом, упирается в мелочные детали, переставая замечать смысл. А ведь есть очень простой способ этого избежать. Когда однажды знаменитого еврейского учителя Гиллея попросили выразить все Писание в одной фразе, он ответил: «Иди и не делай ближнему того, что ты не хочешь, чтобы делали тебе. Все остальное — комментарий. Иди и изучай». Человек должен понимать, что комментарии не

могут противоречить тому тексту, который они комментируют.

— В связи с этим нельзя ли прокомментировать отдельный пример? Когда мы говорим о страхе Божьем или о жене, которая должна убоиться мужа, мы помним, что в греческом тексте здесь стоит слово «фобос», от которого произошло название психических болезней, связанных с патологическим страхом. Как можно объяснить это явление?

— Когда человек сталкивается с чем-то неизмеримо превосходящим его — это могут быть даже неодушевленные предметы, горы, например, — он испытывает состояние, которое можно назвать благоговейным ужасом, по-латыни это называется *mysterium tremendum* (ужасающая тайна). Когда человек в Писании встречается с Богом, то сам Бог или Ангел говорят ему: «не бойся». Страх перед Богом — это благоговейный ужас. Без этого

чужим или серийным убийцей. Я действительно стараюсь максимально избежать этого слова в переводах, потому что оно слишком нагружено отрицательным смыслом, тем более, что для большинства русских людей верно утверждение о том, что надо бояться Бога, потому что Он накажет. Такой страх несовместим с любовью. У Матфея Евангелие заканчивается тем, что женщины уходят «со страхом и великой радостью». Какой из вышеперечисленных страхов, по-вашему, может быть совместим с радостью?

— Хотелось бы услышать Ваше авторитетное мнение по вопросу о том, как нужно изучать Писание. Мы часто слышим, что чтение Библии должно стать приоритетным занятием для нас. Как практически это должно воплощаться в жизнь?

— Я сошлюсь в этом вопросе на авторитетное мнение Библии. Она говорит, что человек послан сюда,

только к какой ситуации он высказывает то или иное суждение, за исключением тех случаев, когда ситуацию проясняют какие-то конкретные детали. И вот еще что: у нас могут возникнуть такие проблемы, которых не было и не могло быть в Коринфе или в Эфесе первого века. В Евангелиях же Иисус — центр и главное действующее лицо. Если что-то непонятно, то читатель должен действовать в зависимости от того, насколько это важно для него на сегодняшний день. Если без этого у вас все рухнет, то нужно обратиться к знающему человеку или почитать книги или комментарии на эту тему, если таковые найдутся. А если непонимание касается каких-то мелочей, деталей, то, может быть, стоит и просто пропустить непонятное место — отложить до лучших времен. Лучше так, чем делать неправильные выводы. Очень нужны издания с ясными и понятными комментариями. Мы уже выпустили Комментарий к Марку, сейчас я работаю над Матфеем. Экзегетика включает в себя множество аспектов: это исторический и географический контекст, это и различные мнения ученых и богословов.

Моя позиция такова — Слово Божье должно быть понятно, потому что чтение Библии — это не ритуал, как перебирание четок. Мы должны знать, что Бог хочет нам сказать. Всем и каждому человеку в отдельности. И это ответственность переводчика тоже.

— Что делается сегодня для популяризации нового перевода? Говорили ли об этом на радио или телевидении? Как бы Вы хотели, чтобы сложилась его судьба?

— Я не занимаюсь распространением — для этого в РВО есть специальный отдел. Мне бы хотелось, чтобы этот перевод помог хотя бы нескольким людям подойти ближе к Христу.

А что касается будущего, то перевод тоже устареет. Никакой перевод не делается на века. Язык развивается, меняется лексика, меняются положения социальных групп. Я уверена, что и на русском языке должны существовать разные варианты переводов: и простые, и сложные, и пересказы, то есть все то, что делает Библию доступной для людей разного склада ума, разной подготовленности и даже просто разного возраста. Отец Александр говорил, что хорошо бы иметь библей-

ские антологии, которые включали бы в себя не весь Новый Завет, а отдельные его части. Скажем, в такой антологии можно было бы опустить родословную, которой начинается Евангелие от Матфея, ведь она многих отвращает от Евангелия, особенно учитывая тот факт, что она стоит в самом начале. Многие по опыту знают, что есть люди, которые, открыв Матфея, видят длинный перечень странных имен, и это настолько отталкивает их, что они, к сожалению, уже никогда не перелопачивают страницу. Можно делать и собрания, например, притч или издавать отдельно какие-то отрывки, например, Нагорную проповедь.

Ни в коем случае никакой перевод не должен быть каноническим, то есть священным. Кстати, в России нет канонических переводов, ведь ни церковнославянский, ни синодальный не были официально канонизированы — как, скажем, Вульгата, латинский перевод, — хотя многие ошибочно называют их каноническими. Эти переводы Библии следует называть общепринятыми или традиционными.

— Мы знаем, что и в Вульгате, и в синодальном переводе множество ошибок.

— Во всех переводах есть ошибки. Избежать этого совершенно невозможно. Библейская наука развивается, могут быть сделаны важные открытия. Находки в Кумране, например, во многом изменили наши представления о развитии религиозной мысли в Израиле. Обратные переводы с греческого на арамейский позволили лучше понять некоторые темные места в Евангелиях.

— Группа ученых во главе с М.Г. Селезневым выпускает сейчас новый перевод Ветхого Завета. Собираетесь ли вы объединить эти две книги? Увидим ли мы полную современную Библию?

— Да, это один целостный проект. У меня это получилось быстрее, потому что Новый Завет короче, но легче, и я работаю над ним очень давно. Почти все уже было давно готово в черновом варианте. Команда Селезнева уже сделала несколько книг — мне очень нравится их перевод. Они специалисты, им можно доверять.

**Интервью брала
Евгения Игнатьева**

нельзя обойтись, человек просто должен испытать страх, хочет он этого или не хочет, он все равно переживает это чувство.

Что же касается того места, где написано «жена да убоится мужа», то здесь под страхом понимается большое уважение. Ведь этот текст отражает ситуацию, когда муж был источником пропитания и средств для жизни, а жена рожала детей и занималась домашним хозяйством. Кроме того, в древности один только мужчина считался полноправным членом общества, а женщина, жена была как бы подруга человека, а не полноценный человек. В Древнем Риме того времени, когда отец семейства мог убить своих детей и жену и не отвечать за это. И в Израиле, и в Греции, и в Риме мужчины говорили: «Боже, благодарю Тебя за то, что Ты не сделал меня женщиной». Христианство это отношение разбило, но должно было пройти еще много времени, прежде чем женщина тоже смогла самореализоваться в новом качестве. В новозаветных письмах во многом отражено положение дел того времени, хотя там есть и революционно звучащие утверждения о том, что во Христе нет ни мужчины, ни женщины. «Фобос», который испытывает жена к мужу в ситуации, о которой говорит Павел, — это и благодарность за то, что он полностью содержит ее, и уважение к его положению в обществе, которого она не имеет и которым она же будет пользоваться. Это стремление не обидеть, не сделать больно тому, кто печется и заботится о тебе. Любимый человек, делающий все это для кого-то другого, действительно достоин уважения.

Проще говоря, слово «фобос» — вполне обыкновенное многозначное слово, которое в разных контекстах может означать разные понятия. Это может быть и страх перед ворами, и страх перед землетрясением. В религиозном смысле — это глубокое благоговение перед Богом, которое невероятно отличается от страха, например, перед пала-

чтобы обрабатывать землю. Из семи дней недели у евреев только один был посвящен Богу, вот тогда и нужно было читать Писание, а в остальное время работать, не разделяя при этом священное и профанное (мирское, обыденное). Работа должна быть посвящена Богу, как говорится в одном из Посланий: «делайте как для Господа». В этом смысле хороша притча о талантах. Двое рисковали и получили прибыль. А третий... Он ведь не пропил эти деньги, и не прогулял, он просто не стал с ними ничего делать. Так что если только читать и ничего не делать, то ничего не приумножится. Человек должен жить, работать, любить, дружить, общаться, радоваться жизни — преобразовать этот мир.

— Как бы Вы посоветовали начать изучение Библии тем, кто стоит в самом начале своего христианского пути и еще не сделал всех этих ошибок: не отгородился от мира, не стал крючкомвором? Что нужно, чтобы избежать этих ошибок?

— Читайте и получайте удовольствие от общения с Богом. Писание, конечно, руководство к жизни, но это не уголовный кодекс. Какие-то вещи нужно пережить. Не надо пытаться понять того, чего с тобой еще не было. Если делать так, то возникают невероятные мнения. Каких только фантастических толкований иных мест Библии я ни слышала! Начиная лучше начинать с Евангелий, потому что письма, особенно письма Павла, все же предназначены для людей с опытом жизни в христианской общине. Новозаветные письма вообще нельзя бездумно прикладывать к современности. Там очень много непонятного, как непонятен разговор по телефону в вашем присутствии. Вы слышите, что говорит один собеседник, но о том, что говорит второй и о чем он спрашивает, можете только догадываться, причем не всегда правильно. Мы знаем, что говорит Павел, но не всегда знаем, примени-

